

С. Ю. Белоруссова

ОТ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА К ЭТНОСТРОИТЕЛЬСТВУ (НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ НАГАЙБАКОВ)*

АННОТАЦИЯ. Музейный бум 1990-х годов был примечателен массовым открытием больших и малых экспозиций, комнат и «уголков», отдельных музеев и выставок, посвященных культурному наследию этнических сообществ. Нагайбаки оказались непосредственными участниками музейного движения. В советский период их этничность имела скрытый и латентный характер, а в постсоветское время они превратились в этнических экстравертов, стремящихся широко демонстрировать свои традиции и заявлять о своей самобытности. В 1986 г. нагайбаки создали свой первый музей (впоследствии их открылось еще пять), затем их этническому движению сопутствовал ошеломительный успех: в 1990-е годы они добились статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации.

Первые музеи нагайбаков были открыты благодаря активности лидеров: Маметьева, Фомина и Васильева. Их судьбы — ветеранов войны, активных общественных деятелей — очень похожи, а музеи как будто сплели их в единую сеть. Несмотря на то что музеи при создании имели разные цели, в конечном счете они стали этнокультурным пространством нагайбаков. Фершампенуазский музей, который изначально был посвящен истории района, оказался своего рода «базой» поиска этнической идентичности. Парижский музей, открытый в память о Блюхере, вскоре сменил акцент на нагайбакскую культуру. Остроленский музей оказался местом реабилитации материального и культурного наследия казаков-нагайбаков. Стремительное создание музеев было ответом на полувекое латентное состояние этничности в советское время и этнический бум в постсоветский период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: музей, нагайбаки, этничность, идентичность, этностроительство, музейное строительство

УДК 069:39

DOI 10.31250/2618-8619-2019-3(5)-67-75

БЕЛОРУССОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА — к.и.н., научный сотрудник отдела этнографии Центральной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А. В. Головинёв).

Музейный бум 1990-х годов был примечателен массовым открытием больших и малых экспозиций, комнат и «уголков», отдельных музеев и выставок, посвященных культурному наследию этнических сообществ. Кто-то видел в этом продолжение советской традиции, связанной с повсеместным созданием краеведческих музеев, для других это был независимый феномен, вызванный политическими преобразованиями в стране. В. А. Шнирельман рассматривал музейные проекты как возможность конструирования и переформатирования культурной памяти народа и государства (Шнирельман 2010). В работах Е. А. Мельниковой продемонстрировано соотношение территориального и национального, восприятие «своего» и присвоение «чужого» на примере локальных музеев Северного Приладожья (Мельникова 2015). Влияние музейных коллекций на самосознание сообщества изучали Д. А. Баранов (Баранов 2010) и О. В. Беззубова (Беззубова 2011), а исследования этнической идентичности в музеях советской эпохи представлены в трудах В. Донован (Донован 2012) и Э. Виддис (Widdis 2003).

Нагайбаки оказались непосредственными участниками музейного движения: сегодня в каждом их селении есть собственный музей, а также отдельные этнографические экспозиции в школах и детских садах. Музей представляется ключевым местом самопрезентации нагайбаков, а его сотрудники считаются авторитетными лицами в деле владения информацией об этнической истории и культуре народа. С чем связано массовое возникновение музеев среди нагайбаков? Как повлиял местный музейный бум на их этническое самосознание? Как соотносится «музейность» и этничность у нагайбаков?

По данной теме я собирала информацию в Нагайбакском и Чебаркульском районах Челябинской области с 2012 по 2018 г. Основными источниками работы стали непосредственные интервью с местными жителями, музейные архивы, личные мемуары и письменные воспоминания. Музейное движение нагайбаков связано с деятельностью лидеров и активистов. В этом контексте удобен заимствованный из кинематографа прием крупного плана, позволяющий различать персональные и социальные мотивы действий (Головнёв 2010).

ИСТОРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

Этноистория нагайбаков относительно коротка (около трех столетий) и хорошо обозрима по историческим и этнографическим источникам. Она показывает «турбулентную этничность», чередующую фазы скрытости (латентности) и открытости (активности). Одним из ключевых периодов их этноистории стали 1930-е годы: тогда нагайбаки были причислены к татарам и перестали считаться отдельным народом (в переписи 1939 г. их нет). На место православия пришел атеизм, казачий статус обернулся рассказыванием, нагайбакский говор был официально замещен (например, в школьном образовании) татарским языком. В советское время быть нагайбаком было неудобно, нестатусно и просто невозможно (по формальным основаниям). В этих условиях неудобная этничность «ушла в подполье» и приобрела латентный характер: часть нагайбаков приняла татарскую идентичность, часть — русскую, часть — нейтральную советскую.

Реванш нагайбаков пришелся на постсоветский период, когда обозначились общие векторы религиозного (православного), сословного (казачьего) и этноязыкового возрождения. Нагайбаки быстро превратились в этнических экстравертов, стремящихся широко демонстрировать свои традиции и заявлять о своей самобытности. В 1986 г. они создали свой первый музей (впоследствии их открылось еще пять), затем их этническому движению сопутствовал ошеломительный успех: в 1990-е годы они добились статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации.

Ключевой фигурой, которой удалось совместить музейное движение и этностроительство, стал коренной нагайбак Алексей Маметьев. Его мотивация и механизм принятия решений лучше всего объяснимы через погружение в его биографию, мысли и суждения (Головнёв, Белоруссова 2018).

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ

Алексей Михайлович Маметьев (15.10.1923 — 9.08.2005) — потомственный фершампенузец, который большую часть жизни провел вне родины и вне нагайбакского сообщества. Ребенком он пережил кампании расказачивания, раскулачивания и прочих репрессий, затронувшие в 1920–1930-е годы нагайбаков. По времени с репрессиями совпала и «ликвидация» нагайбаков как народа. Начавшаяся война радикально изменила судьбу Маметьева: «Еще только вчера я был 17-летним парнем, мечтавшим о красивой и счастливой жизни, но, увы, все изменилось в один миг» (Маметьев 1998: 20). В январе 1942 г. 18-летнего Маметьева определили в Свердловское военное училище на радиокурсы, после которых он был направлен радистом на Брянский фронт. Войну Маметьев прошел штабным офицером (благодаря чему остался невредим), по окончании войны ему было 23 года, но военная карьера не прельщала молодого офицера. На ходатайство об увольнении Маметьев дважды получил «отказ с мотивировкой о том, что армии нужны квалифицированные кадры» (Маметьев 1998: 45), и вынужденно продолжил службу.

В 1950 г. Маметьева перевели в немецкий г. Вердер, где он провел еще семь лет. Выполняя служебные обязанности, он тяготился чужбиной: «Хороша страна Германия, но Россия лучше всех. Казалось бы, материально обеспечены, жилье нормальное, окружают комфорт и красота. А нет. Порой тоска по родине гложет душу» (Маметьев 1992: 47). Сочетание дум о доме и впечатлений от Европы дало ту смесь размышлений и эмоций, которая позднее выразилась в его необычных для уральского села проектах. Например, идея создания сельского музея зародилась у него в ходе поездок по Европе:

«Время от времени возвращался к одной интересной мысли, зародившейся много лет тому назад. А все началось с того дня, когда впервые посетил музей-усадьбу Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне в 1943 году» (Маметьев 1998: 100);

«Мне удалось побывать в музеях Берлина, Лейпцига, Дрездена, Москвы, Ленинграда, Челябинска, Свердловска, Перми, Нижнего Тагила, Златоуста. От всего увиденного у меня зародилась идея создания музея в Фершампенуазе» (Маметьев 1992: 54).

В 1957 г. представилась возможность вернуться на родину, и Маметьев сразу «выразил желание продолжать дальнейшую службу в составе Уральского Краснознаменного военного округа в должности начальника 6 отделения штаба 77 отдельной зенитно-артиллерийской дивизии, дислоцирующейся в городе Магнитогорске» (Маметьев 1998: 75–76) (от Магнитогорска до Фершампенуаза 70 км). Возвращение на Урал было для Маметьева отрезком траектории лидера, обозначенной А. Тойнби как «уход и возвращение» (withdrawal and return) (Тойнби 1991: 272–274). Согласно этому сценарию, он надолго (с угрозой невозвращения) покинул родные края и набрался на чужбине разнообразного опыта в экстремальных условиях войны. Именно там он первоначально сконструировал идеальный образ своего народа.

Отслужив еще четыре года в штабах Магнитогорска и Перми, Маметьев подал рапорт об увольнении с воинской службы из-за проблем со здоровьем. Осенью того же года он устроился на работу партийным деятелем. В июле 1977 г. биографический круг замкнулся — Маметьев перешел на пост

секретаря Нагайбакского райкома партии по идеологии и переехал в Фершампенуаз. Земляки приняли Маметьева «как родного», и будни руководства смешались в его жизни с праздниками родства. Однако семь лет партийной деятельности в родном селе не принесли ожидаемого удовлетворения. В общении с родными Маметьев не скрывал, что работу в родном районе и селе ему испортил конфликт с первым секретарем, татарин Г. А. Габитовым. В годы советского интернационализма нагайбак (формально татарин) Маметьев не мог себе позволить толкование конфликта с татарин Габитовым на почве этничности. Однако это обстоятельство не могло не сказаться на его последующих действиях, ставших своего рода протестом против засилья «чужих» во имя самоутверждения «своих». Второй раз в жизни Маметьев в 1984 г. подал в отставку «по состоянию здоровья».

ПЕРВЫЙ МУЗЕЙНЫЙ ПРОЕКТ

Как показывает опыт дважды пенсионера Алексея Маметьева, 60 лет — пора свершений. В этом почтенном возрасте он начал очередную новую жизнь: первая — «воинская» — длилась 26 лет, вторая — «партийная» — 20, третья — (условно) «этническая» — еще 20. Уходя с поста партийного секретаря по идеологии, на вопрос «Теперь уедете отсюда и вернетесь в Магнитогорск?» (у него там была квартира) он решительно возразил: «Я останусь здесь и буду создавать музей!»

Решаясь на новое для себя дело, Маметьев обратился к еще живым в то время родителям — «самым верным советникам», которые отнеслись к затее одобрительно, но настороженно: «Сынок, заявляя об открытии музея, ты взваливаешь на свои плечи огромную ответственность перед земляками, да к тому же ставишь на карту свою честь и честь династии Маметьевых» (Маметьев 1998: 101). После совместного обсуждения деталей Маметьевы решили представить проект «музея на общественных началах» на рассмотрение руководству района. В итоге бюро райкома КПСС и исполком районного совета «одобрили представленные предложения и приняли совместное решение о создании Районного историко-краеведческого музея с. Фершампенуаз». Музей расположили в трехкомнатном доме в центре села, «ранее принадлежавшем семье потомственного казака Никитина» (ПМА 2015).

По словам руководителя районного отдела культуры (и единомышленницы Маметьева) Раисы Сидориной, основной сложностью было «вместить в эти стены огромную информацию», однако Маметьев «сумел и недра, природу, флору, фауну раскрыть, и нагайбакскую культуру показать». По сведениям Л. Араповой, «Маметьев сам ходил по селу, проводил беседы об истории края и собирал памятники “прошлого”» (2012: 164). Музей рос не по дням, а по часам. Всего через год, в апреле 1985 г., «работы были завершены, музей был полностью готов к открытию». Скорость его строительства поражала очевидцев, а Раиса Сидорина прибегала к сравнению: «Нужно вспомнить Михаила Светлова, который говорил: “Я написал ‘Гренаду’ за 15 минут плюс вся моя жизнь”. Так же и с Маметьевым. Музей он сделал за один год плюс вся его жизнь» (ПМА 2015).

Музей вместил 3500 экспонатов, состоял из комнаты боевой славы, зала флоры и фауны, экспозиции истории и быта нагайбаков (Арапова 2012: 165). 6 мая 1985 г. в торжественной обстановке состоялось открытие районного историко-краеведческого музея, посвященного 40-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Музей стал отправной точкой реализации этнопроектов в Нагайбакском районе. С октября 1985 г. на должность начальника отдела культуры была назначена русская по национальности Раиса Андреевна Сидорина (Бурдюкова), которая сразу поддержала Маметьева и прониклась его идеями. Сидорина рассказала: «Тогда, в 1985 году, был задан вектор: все увидели, что есть память,

все увидели историю нагайбаков и ведь впервые заговорили об этой истории!» (ПМА 2015). По замыслу это был краеведческий музей, а по факту — этнографический (нагайбакский). По ее словам, «этот музей — первая ласточка. Дальше можно было начинать отпочковываться и раздвигать пространство».

ВТОРОЙ МУЗЕЙ: ПАРИЖ

Опыт Маметьева увлек соплеменников. По воспоминаниям односельчан, он призвал к созданию подобных музеев в других нагайбакских селах. На призыв Маметьева откликнулся агроном совхоза «Астафьевский», русский Михаил Иванович Фомин из с. Париж. Он родился в 1915 г. в Уйском районе Челябинской области, во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне Киева, боях под Москвой и штурме Кенигсберга. После войны работал в сельском хозяйстве. Фомин считал себя коммунистом, состоял в партии с 1944 г. За трудовые достижения имел несколько наград, в том числе орден «Знак почета» и медаль «За трудовую доблесть» (Герасимова и др. 2015: 150–151). Маметьев и Фомин были приятелями, многие отмечали сходство их характеров и судеб: оба были участниками Великой Отечественной войны, числились в партии, долгое время жили за пределами Нагайбакского района.

За годы, проведенные в Париже, Фомин стал своим и имел авторитет среди жителей. Местная парижанка рассказала, что «Фомин не был нагайбаком, но нагайбаки были за него горой». Одним из мотивов создания музея было то, что он, как председатель Совета ветеранов, часто встречался с людьми. В беседах они жаловались, что со временем история забывается, старые обычаи и обряды уходят в прошлое. Возможно, их рассказы позволили Фомину почувствовать свою причастность к этнической истории и необходимость сохранения культурного наследия.

Для согласования музея с партийным руководством нужен был формальный повод, вписывавшийся в рамки социалистических ценностей. На тот момент этническое позиционирование было неприемлемо, казачество полной реабилитации не получило, и даже звучное название «Париж» имело отголоски царской России. Единственным подходящим событием в истории села оказалась короткая, но памятная остановка Василия Блюхера с 17 по 23 апреля 1918 г. в Париже в ходе операции против войска Дутова в разгар Гражданской войны. Для самих нагайбаков история о приезде Блюхера имела скорее отрицательное значение: их предки-казаки поддерживали белых и захват Парижа восприняли как поражение.

От лица местных жителей 3 мая 1988 г. Фомин составил обращение к председателю райкома об установлении «мемориальной доски о пребывании красногвардейских отрядов под командованием В. К. Блюхера в с. Париж на сохранившемся доме-штабе» (Архив Музея истории с. Париж), впоследствии этот дом стал помещением музея. Открытие состоялось 28 октября 1989 г., среди гостей присутствовала дочь Блюхера Зоя. Алексей Маметьев вспоминал, что благодаря музею парижане, «впервые ознакомившись с экспозицией музея, почувствовали свою причастность к истории, культуре родного края... Парижане своими глазами увидели себя» (Маметьев 1998: 108). По словам Фомина, с созданием музея люди потянулись к истории, к прошлому, загорелись интересом к истории родного села.

Уже в 1992 г. Фомин расставляет новые акценты миссии своего музея:

«1. Музей вмещает в себя больше, чем любовь к старине, он позволяет человеку ощутить прошлое и сознавать ответственность перед будущим в сохранении всего памятного, дорогого. 2. Музей — это культурно просветительский центр старинного уральского села Париж. Это гордость односельчан — парижан-нагайбаков. 3. Музей сослужит добрую службу в поднятии культуры нашего народа, поднятии гордости за свою малую родину, за свое село, за своих предков, славных казаков-нагайбаков.

4. В музее по возможности отражена история нагайбаков и краткая история наших сел. 5. В музее собрана память многих поколений предков, их жизненный уклад, их обычаи, обряды» (Архив Музея истории с. Париж).

Как видно, первоначальный бренд музея как место остановки Блюхера постепенно начал замещаться другим — этническим. Фомин трижды использует слово «нагайбаки» (хотя на тот момент они не были признаны отдельным народом) и обозначает роль музея как этнического центра.

Создание музея стало проектом жизни Фомина. Многие считали, что музей для него был важнее собственного дома — там он проводил большую часть времени и вкладывал силы в пополнение коллекции и развитие экспозиции. Некоторые удивлялись живому интересу Фомина к нагайбакской культуре: «В ту пору вообще не интересовались нагайбаками, а когда спрашивали, то ничего не могли ответить». Получилось, что этнически русский Фомин сумел открыть парижанам ценность их этнической культуры. До конца своих дней Фомин проработал в музее, где его и застала смерть: 18 марта 1994 г. он скончался от сердечного приступа во время проведения экскурсии.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ И ТРАГЕДИЯ: МУЗЕЙ В ПОС. ОСТРОЛЕНСКОМ

Вслед за открытием парижского музея в Остроленском началась бурная деятельность по созданию собственной экспозиции. На тот момент у остроленских нагайбаков уже был музейный опыт: с 1950-х годов в помещении школы работал музейный уголок, сосредоточенный главным образом на памяти о подвижниках Октябрьской революции и воинах Великой Отечественной войны. Музейное дело в селе продвигал нагайбак Иван Алексеевич Васильев — участник войны, который после ее окончания вернулся в родное село. Он работал директором сельского клуба, экспедитором совхозрабкопа и счетоводом-кассиром в сельсовете. Васильев был увлечен культурной памятью села и его жителей: он записывал воспоминания старожилов, вел переписку с жителями других районов и зарубежными организациями по розыску мест захоронения земляков, погибших на фронтах войны (Васильев). В 1985 г. на основе школьной экспозиции в доме культуры Васильев организовал зал боевой и трудовой славы остроленцев.

С конца 1980-х годов остроленцы стали обсуждать создание полноценного музея в старинном казачьем доме. Наиболее удачным вариантом казался пустующий особняк в центре села напротив клуба. Среди жителей он пользовался репутацией таинственного дома с печальной судьбой: «С последним хозяином дома произошел трагический случай — его сбросила лошадь, в хозяйку ударила молния, потом и дети разъехались». После этого особняк так и не нашел полноценных хозяев: сперва использовался как детский сад, затем как школа, а потом и вовсе не мог обрести свое назначение, числясь на балансе совхоза. В борьбе за помещение музея дом сразу стал центром разногласий: руководители совхоза долгое время отказывались от его передачи. После нескольких лет сложных переговоров было принято положительное решение, однако радость от достигнутого результата была омрачена скоропостижной смертью самого Васильева. Некоторые жители посчитали, что к его смерти привела борьба за загадочный дом.

Открытие остроленского музея (1995) совпало со временем реабилитации казачества, возвращения религиозности и признания нагайбаков отдельным народом. В музее оказалось все то, что было под запретом в советское время: изображения казаков, георгиевские кресты и православные реликвии. Жители с воодушевлением приносили вещи, оставшиеся от их репрессированных предков. «Я помню, как хромой дедушка с палочкой нес туда альбом с фотографиями своих родных», — сообщила Зоя Гайсина (ПМА, Остроленский 2015).

В казачьей комнате создали православный уголок, в центре которого была дореволюционная икона. Сперва в комнате стали собираться женщины, помнящие молитвы и песни на родном языке, затем туда приезжал настоятель, который проводил церковные обряды, в том числе крещение. К музею было трепетное, почти сакральное отношение среди жителей, некоторые между собой называли его «молельным домом».

Через 17 лет после открытия музей постигла трагическая участь. В январе 2012 г. случился пожар (по причине проблем с проводкой), который полностью уничтожил здание и экспонаты. Все жители помнят тот день, а некоторые даже отказываются рассказывать о нем, ссылаясь на боль утраты. «Моя внучка сказала, что это сгорел не музей, это сгорел наш дом», — рассказала Евдокия Исаева. Для сотрудников пожар в музее был персональной трагедией. Тамара Бургучева рассказала: «Я всю жизнь отдала тому музею... Моя душа разделилась на жизнь до и после». Другая сотрудница добавила, что «через день видит сон, как проводит экскурсию в старом музее» (ПМА, Остроленский 2015).

Утрата музея не вписывалась в рамки реальности и справедливости, поэтому многие видели в этом сверхъестественные силы. Кое-кто связывал трагедию с неблагополучием старого дома, а также неожиданным уходом оттуда православной общины накануне пожара. Музей не закрыли, однако пришлось перебраться на прежнее место существования — в одну из комнат дома культуры. Возможность сохранения музея обрадовала жителей, однако многие не признали музей в новом качестве. Валентина Минеева рассказала о своих ощущениях: «Глаза закрываю и все перед собой вижу: слева кровать, там узоры моей сестры. Сейчас нет того, что было. Я внутренне новый музей уже не воспринимаю, как тот музей. Сам фундамент, сам дом — это история, а новый музей — это уже не история, может, он для кого-то и будет историей, но для меня — никогда» (ПМА, Остроленский 2015).

С 2015 по 2018 г. на месте сгоревшего музея по инициативе и на средства жителей поселка был построен храм в честь иконы Божией Матери «Скоропослушницы».

МУЗЕЙНАЯ СЕТЬ

В начале 1990-х годов на волне повсеместного создания музеев и выставок по всей стране Нагайбакский район оказался в лидерах: «Мы тогда били рекорд в Челябинской области по открытию музеев, поскольку у нас была “развернутая сеть”: музеи были в каждой средней школе, на предприятиях, в узлах связи» (ПМА, Фершампенуаз 2015). К примеру, сразу после основания остроленского музея сотрудники детского сада организовали «нагайбакскую комнату быта». По словам воспитателя Натальи Юскиной, этот проект возник, «когда мы сами захотели стать нагайбаками» (ПМА, Остроленский 2015).

Некоторые скептически относились к разрастающемуся музейному пространству в Нагайбакском районе: активизация проходила на фоне кризиса 1990-х годов. Сын Маметьева рассказывал, что одно время над отцом смеялись: «Что этот дед с музеями выдумал?!» Многие припомнили, что Маметьев вообще-то «чужой» и большую часть жизни прожил вне родины (ПМА, Фершампенуаз 2015).

Между тем посеянные музеем семена уже давали всходы. Итогом музейного строительства стал успех в этностроительстве: в 1993 г. нагайбаков включили в перечень коренных малочисленных народов. Это самый яркий и успешный проект Маметьева, хотя в своих воспоминаниях он обходит его молчанием — не то из деликатности, не то из суеверия. Главным своим достижением

он по-прежнему считал музей и был в этом по существу прав: законы хранятся не так бережно, как культурное достояние и самосознание. С годами музейная деятельность Маметьева все отчетливее фокусировалась на нагайбаках. В течение 20 лет вплоть до своей смерти он оставался директором музея, который впоследствии был назван его именем. По словам близких, он остался в музее и по-смертно — на прощание его гроб принесли именно туда.

Уже после смерти Маметьева были открыты еще два музея — Кассельский музей национальных культур и Музей нагайбакской культуры в Попово. Оба музея появились на волне возрождения нагайбакской культуры. Они позиционируются как этнические нагайбакские, и их основная задача — сохранение культурного наследия коренного малочисленного народа.

* * *

Первые музеи нагайбаков были открыты благодаря активности лидеров: Маметьева, Фомина и Васильева. Их судьбы — ветеранов войны, активных общественных деятелей — очень похожи, а музеи как будто сплели их в единую сеть. Даже смерть застала каждого из них на музейной работе, в той деятельности, которая оказалась ключевой по итогам жизни.

Несмотря на то что музеи при создании имели разные цели, в конечном счете они стали этнокультурным пространством нагайбаков. Фершампенуазский музей, который изначально был посвящен истории района, оказался своего рода «базой» поиска этнической идентичности. Парижский музей, открытый в память о Блюхере, вскоре сменил акцент на экспозиции нагайбакской культуры. Остроленский музей оказался местом реабилитации материального и культурного наследия казаков-нагайбаков. Стремительное создание музеев было ответом на полувекое латентное состояние этничности в советское время и этнический бум в постсоветский период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арапова Л. В. «Истинный нагайбак» (о краеведе А. М. Маметьеве) // «Во славу русского оружия»: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. Отечественной войне 1812 года. Челябинск, 2012. С. 163–167.

Баранов Д. А. Этнографический музей и «рационализация системы» // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 26–43.

Беззубова О. В. Музейный проект как инстанция дискурса «национального» // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 20–29.

Васильев Иван Алексеевич // Энциклопедия Челябинской области. URL: <http://chel-portal.ru/?site=encyclopedia&t=Vasilev&id=2538> (дата обращения: 12.06.2019).

Герасимова Н. Г. Село Париж — малая Родина. Магнитогорск, 2015.

Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.

Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю. О роли личности в этноистории: Алексей Маметьев и народо-строительство нагайбаков // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 78–94.

Документальный фонд Музея истории с. Париж (Челябинская обл., Нагайбакский район, с. Париж).

Донован В. «Идя назад, шагаем вперед»: краеведческие музеи и создание местной памяти в Северо-Западном регионе // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 379–402.

Маметьев А. М. Воспоминания о прошлом. Фершампенуаз, 1998. 169 с. // Личный фонд семьи Маметьевых.

Маметьев А. М. Путь династии Маметьевых. Фершампенуаз, 1992. 120 с. // Архив Нагайбакского районного историко-краеведческого музея.

Мельникова Е. А. Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время // Антропологический форум. 2015. № 25. С. 9–41.

Полевые материалы автора. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Остроленский, с. Фершампенуаз, 2015.

Тойнби А. Д. Постигание истории. М., 1991.

Шнирельман В. А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26.

Widdis E. Visions of a New Land. Soviet film from the Revolution to the Second World War. Yale, 2003.

FROM MUSEUM BUILDING TO ETHNO-BUILDING (SOUTHERN URAL NAGAIBAK CASE)

ABSTRACT. The museum boom of the 1990s was notable for the massive opening of large and small expositions, rooms and “corners”, individual museums and exhibitions dedicated to the cultural heritage of ethnic communities. Nagaibaks were direct participants in the museum movement. In the Soviet period, their ethnicity was hidden and latent, and in the post-Soviet era they turned into ethnic extroverts, striving to widely demonstrate their traditions and declare their identity. In 1986, the Nagaibaks created their first museum (5 more subsequently opened), then their ethnic movement was overwhelmingly successful: in the 1990s they achieved the status of “indigenous people of the Russian Federation”.

The first Nagaibak museums were opened thanks to the activity of their leaders: Mаметьев, Fomin and Vasiliev. Their fates — war veterans, active public figures — are very similar, and the museums seem to have woven them into a single network. Despite the fact that the museums had different goals when they were created, they eventually became the ethnocultural space of Nagaibaks. The Ferschampenoise Museum, which was originally dedicated to the history of the district, turned out to be a kind of “base” for the search for ethnic identity. The Paris Museum, opened in memory of Marshal Blucher, soon changed focus on the exposition of Nagaibak culture. The Ostrolensky Museum turned out to be a place for the rehabilitation of the material and cultural heritage of Cossack Nagaibaks. The rapid creation of museums was a response to the half-century latent state of ethnicity in Soviet times and the ethnic boom in the post-Soviet period.

KEYWORDS: museum, Nagaibaks, ethnicity, identity, ethno-building, museum construction

SVETLANA Yu. BELORUSSOVA — Candidate of Historical Sciences, Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: Svetlana-90@yandex.ru